

УДК 316.42

МАРКС О СОЦИАЛЬНОМ ПРОГРЕССЕ И СТРАХИ ИСПУГАННОГО ОБЩЕСТВА: МАРКСИСТСКИЙ ВЗГЛЯД

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Утверждается, что главный вклад Карла Маркса – теоретическое обоснование теории общественного прогресса – в настоящее время, как никогда, актуален. Данное суждение обусловлено как объективно происходящими социальными процессами, так и отсутствием новой теории, способной адекватно объяснить суть общественного развития. Критикуются современные теории бесклассового общества, устойчивого развития и конца истории как способы идеологического обоснования сложившегося социального порядка, удовлетворяющего правящий класс. Объясняются причины социальных страхов перед радикальными изменениями в обществе, возникших у большинства граждан постсоветских стран за последние три десятилетия. На основе анализа исторических событий последних десятилетий предлагается современная марксистская интерпретация теории общественного прогресса.

Ключевые слова: теория общественного развития; социальные изменения; марксизм; классы; классовая борьба; социальная революция; свобода; социальные страхи; социальный порядок.

MARX ABOUT THE SOCIAL PROGRESS AND FEARS OF A FRIGHTENED SOCIETY: MARX'S OPINION

V. E. SMIRNOV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

It is argued that the main contribution of Marx is the theoretical basis of the theory of social progress is relevant today more than ever. This statement is substantiated by objectively occurring social processes and by the absence of a new theory, that can adequately explain the essence of social development. Modern theories of classless society, sustainable development and the end of history as ways of ideological justification of the current social order satisfying the ruling class are criticized. The reasons of social fears to radical changes in society, which have arisen in the majority of the population of post-soviet countries over the past three decades are explained. The modern Marx's interpretation of the theory of social progress is offered on the basis of the analysis of historical events of the last decades.

Key words: theory of social development; social change; marxism; classes; class struggle; social revolution; freedom; social fears; social order.

Если бы еще десять лет назад пришлось говорить об актуальности марксизма, мы бы попали в сложное положение. И речь идет не о том, что марксизм тогда был неактуален, но продемонстрировать эту актуальность было бы непросто. Пришлось бы утверждать и объяснять то, что обывателю, да и существенной части интеллектуального сообщества,

было вовсе не очевидно. Сегодня, как оказалось, говорить об актуальности марксизма куда проще, поскольку никакого иного системного дискурса, никакого иного языка, на котором можно было бы рассуждать об общественном развитии, не существует. При этом стало понятно, что история тронулась с места и на глазах ускоряет свой ход.

Образец цитирования:

Смирнов В. Э. Маркс о социальном прогрессе и страхи испуганного общества: марксистский взгляд // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 63–72.

For citation:

Smirnov V. E. Marx about the social progress and fears of a frightened society: Marx's opinion. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 63–72 (in Russ.).

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher. smirnoffv67@gmail.com

Несмотря на то что марксизм являлся господствующей идеологией еще совсем недавно, странным образом его положения, понятия и категории в значительной степени преданы забвению, что демонстрирует, с какой энергией они практически «выталкивались» из общественного сознания. Катастрофическая делегитимация марксизма, осуществленная в отношении как самой теории основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, так и ее интерпретаций последователями, приобрела разные оттенки и в конкретных случаях специфические особенности. Если на Западе речь, скорее, может идти о встраивании марксизма в неолиберальный дискурс (причем встраивании до такой степени, что появился вполне резонный вопрос: а марксизм ли это?), то в Восточной Европе и особенно на постсоветском пространстве, марксизм подвергся гласной и негласной обструкции со стороны всей системы официальных институтов [1].

Кроме того, учитывая, что и сам марксизм в интерпретации советской идеологической машины имел немало искажений, потребность в реконструкции существенной части положений теории К. Маркса приобрела актуальность и реальную практическую значимость. Впрочем, было бы неверно рассматривать советскую эпоху существования и развития марксизма лишь как некое искажение его идей и принципов. Напротив, советскими философами и социологами сделано немало в плане развития идей К. Маркса. Советские мыслители, многие из которых были незаслуженно забыты в «эпоху перемен», предложили целый спектр подходов и интерпретаций, которые еще ждут своего «открытия» и переосмысления. Однако направления, которые развивали эти ученые, как правило, в минимальной степени касались наиболее болезненной для идеологии части марксизма – исторического материализма. Именно это ядро марксистской теории (не зря К. Маркс и Ф. Энгельс полагали себя в первую очередь историками) больше всего подверглось догматизации и мифологизации. Но в данный момент, когда речь идет о проекте общественного развития, необходимость реконструкции именно этого ядра приобрела особую значимость. Еще более важным, во всяком случае для постсоветских обществ, стало то, что в результате реформ, воспринимаемых массами как катастрофа, изменения начали пугать людей, в связи с чем воцарилась консервативная повестка. А поскольку мир не может стоять на месте, страхи необходимо развеивать.

Очень часто можно встретить суждение о том, что К. Маркс видел в основании развития общества экономическую обусловленность всех социальных процессов и явлений. На этом, как правило, выстраивают свою аргументацию и западные, и оте-

чественные критики марксизма. Это, конечно, грубая неточность. На самом деле экономическая обусловленность социальных процессов присуща только одной – экономической – формации, причем наиболее полное выражение такая обусловленность получает только на этапе совершенного развития экономической формации – при капитализме. Карл Маркс в предисловии «К критике политической экономии» пишет: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи общественной экономической формации» [2, с. 7]. Раньше, т. е. в докапиталистические эпохи общественно-экономической формации, экономическая обусловленность процессов социальной жизни выступала крайне опосредованно и вещные, экономические отношения почти полностью скрывались под системой личных связей. Только в капиталистическую эпоху личные связи уступают место тотальной экономической обусловленности. Более того, не кто иной, как К. Маркс, считал такое положение вещей, а именно экономическую обусловленность всех сторон жизни, несправедливым и невыносимым, с которым можно покончить и должно быть покончено. Занятно, что К. Маркса критикуют именно за то, что утверждает не он, а сами буржуазные социологи и экономисты – апологеты рыночной экономики и распространения рыночных отношений на все стороны общественной жизни, например представители австрийской экономической школы. Рыночный фундаментализм последних как раз и базируется на представлениях о тотальной обусловленности общественной жизни экономическими (т. е. рыночными) отношениями. Отличие между ними и К. Марксом заключается в том, что мыслитель полагал такое положение вещей не идеалом на все времена и концом истории, а тем, что обуславливает несвободу человека и потому невыносимо. При этом такое положение вещей имеет конкретно-исторический характер, т. е. оно когда-то появилось и, соответственно, когда-нибудь завершится. Существенная часть теории К. Маркса и объясняет, почему и как это произойдет.

Однако именно поэтому главные претензии ставятся в упрек таким важным элементам марксизма, как теория общественного развития, классовая борьба и социальная революция, объявленным едва ли не формой экстремизма. Поскольку же идея классовой борьбы основана на представлении о классовом делении общества и социальном неравенстве, то и представление о классах как ключевом элементе социальной структуры общества попало под запрет. При этом в основе антимарксистского мировоззрения лежит полный отказ от идеи качественных социальных изменений, так как она превратилась в пугало как для мировых элит, глобаль-

ного неолиберального интеллектуального класса, так и для местных идейных подражателей. Поэтому столь легко утвердилась концепция устойчивого развития, отрицающая не только диалектический характер развития, которому имманентно присущи и эволюционные, и революционные фазы, но и, по сути, развитие как таковое, качественные изменения социального порядка. И хотя одним из базовых принципов неолиберальной догмы был принцип, озвученный М. Тэтчер: «Общества не существует» (есть отдельные мужчины, отдельные женщины и есть семьи), что является иносказанием попперовской критики, так называемого историзма, общество «вернулось», как бы это ни неприятно звучало для апологетов экспертного, технократического управления обществом [3]. Общество «вернулось» и вместо политкорректных штампованных отговорок потребовало ответов. Общество «вернулось» – и история потекла вперед.

То есть вопреки надеждам апологетов неолиберального дискурса история не остановилась, и как гром среди ясного неба прогремел кризис 2008 г., а вся социально-экономическая история последних лет прошла под хор политиков и системных интеллектуалов, убеждающих себя в том, что кризис закончился. Однако если в экономической сфере удалось не то чтобы устранить, но отложить острые проявления кризиса, заливая его деньгами, которые вместо стимулирования покупательского спроса прямо отправлялись на биржевые торги, то в социальной и политической сферах кризис продолжает углубляться. Вряд ли стоит подробно перечислять все события, сотрясающие неолиберальную систему мировой глобализации – от греческого референдума до конфликта на Украине, «Брексита» или победы Дональда Трампа на американских выборах. Трудно объяснить эти события, если продолжать уверять себя в том, что кризис либерального мироустройства в социальной и экономической сферах закончился. Иными словами, стало совершенно очевидно, что история продолжается, общество развивается, а проблема общественного прогресса вновь актуальна.

Однако если мы собираемся говорить не о хаотическом непредсказуемом развитии, если полагаем, что существуют не только индивиды, но и общество, если говорим об общественном прогрессе, то имманентно принимаем телеологический принцип. То есть соглашаемся с тем, что история движется откуда-то и куда-то. Надо заметить, что в этом вопросе марксизм непросто и уж точно куда сложнее существующих в настоящее время наивно-негативных представлений о нем. Та же идея телеологии прогресса, которую столь энергично и при этом внутренне противоречиво пытался критиковать К. Поппер, решалась К. Марксом исторически и в диалектическом ключе. Карл Маркс пишет: «Так

называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [4, с. 732]. То есть, с одной стороны, представления о прогрессе общества имеют конкретно-исторический характер. Поэтому, например, тот факт, что в эпоху русской революции делался акцент на равенстве как цели прогресса, нельзя оценивать как некое ложное искажение марксистских взглядов. «Интерес эпохи», причем конкретный интерес в конкретном обществе, был именно таков. Именно идеал равенства, которого добивались и в существенной степени добились, стал той самой «новейшей формой», о которой писал К. Маркс. С другой стороны, в рамках материалистической концепции, в которой стержнем прогресса является развитие производительных сил и производственных отношений, говорить о каком-то релятивизме принципов невозможно, так как история носит наряду с этим объективный характер.

Поскольку эта тема требует отдельного анализа, попытаемся ответить на следующие вопросы: что лежало в основе телеологичности прогресса для самого К. Маркса и что явилось объективным основанием развития эпохи, его породившей? Пафос марксизма заключается в разрешении того, что сам К. Маркс называл загадкой истории, а именно: почему, если «история» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей» и «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», человек не свободен [5, с. 102]? То есть почему плоды его деятельности, общественные институты и социальные структуры отчуждены от человека и господствуют над ним? И в чем заключается разрешение этого противоречия? Только тогда, когда человек обретет господство над порождением собственных рук, разума и духа, он станет свободным. Свободным в первую очередь от вражды между людьми, и тогда начнется, по словам К. Маркса, истинная история человечества. Заметим, что под враждой здесь понимаются не личные ссоры и конфликты – как раз это было бы нелепым и наивным утопизмом. Речь идет об институциональной вражде, о ситуации, когда конкретные общественные отношения ставят разные группы людей в объективно враждебное положение, в обстоятельства, когда их объективные интересы становятся противоположными. В этом случае индивиды вынуждены постоянно бороться друг с другом и поэтому становятся несвободными.

Свобода – вот что является основой телеологического принципа в понимании общественного прогресса в марксизме. Однако свобода в марк-

систском понимании существенно отличается от свободы в современном либеральном дискурсе. Это не определенная система принципов и норм, регулирующая отношения частного индивида с другими индивидами в их перманентной борьбе (с марксистской точки зрения вопрос о возможности свободы частного индивида весьма проблематичен в принципе). В марксизме речь идет о свободе человека для самого себя и общества в целом, для свободной реализации собственной личности, что невозможно, по мнению К. Маркса, в условиях, когда человеческое существование всесторонне экономически детерминировано, а именно этим и отличается капитализм с его тотальным проникновением рыночных отношений во все сферы. Ведь «...общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет» [6, с. 402–403]. Господствующее ныне представление о свободе человека в рамках частнособственнических, рыночных отношений как минимум с точки зрения марксистского дискурса поистине странно. Это свобода животного в дикой природе, где «шаг вправо, шаг влево» от биологической программы означает неминуемую гибель, где хищник не может пощадить жертву, а жертва не может не убежать от хищника. В рамках рынка все его участники поставлены в конкурентные, враждебные отношения друг к другу вне зависимости от личных желаний людей. Рыночная среда ни в чем в этом смысле не отличается от природной, кроме одного: социальная среда, в которой «обитает» человек, создана человеком и никем другим. Жизнь человека в социуме полна многочисленных запретов и настояний. Например, в буржуазном социуме человек вынужден конкурировать с другими людьми за рабочие места, долю в общественном продукте. Если он буржуа, то вынужден эксплуатировать рабочих – иного способа осуществлять производство в рамках капиталистических отношений не существует. В периоды кризиса он вынужден увольнять рабочих, оставляя их без средств к существованию. И в основе этого лежит не его злая воля, а внешняя по отношению к его воле необходимость. Если он, к примеру, не уволит рабочих в вышеописанной ситуации, то разорится. Таким образом, не только рабочий, но и буржуа – представитель господствующего класса – также не свободен, поскольку его деятельность определяется не его волей, а внешним по отношению к ней принуждением. Причем принуждает его не природная среда, а социальная, которая сама по себе есть продукт деятельности людей.

Для того чтобы решить проблему с освобождением человека, К. Маркс ставит вопрос о том, как же человек создал эту самую социальную среду, в которой и потерял свою свободу? Ответ на него мыслитель находит в представлении о человеке

практическом, т. е. человеке, сущностной чертой которого является способность к духовно-практической деятельности. Изменяя, производя общественные отношения, в которые он вступает в процессе общественного производства, человек изменяет и самого себя. Но до сих пор этот процесс был стихийным в том смысле, что люди не осознавали себя субъектами, строителями истории. Более того, как уже было сказано, продукты их деятельности, все социальные структуры представлялись человеку созданными кем-то: то ли богами, то ли вождями и героями, то ли политиками и экспертами. Отчужденные от человека, эти системы получали некую псевдожизнь, причем зачастую враждебную ему.

Как же разрешить эту проблему, эту загадку истории, когда плоды человеческой деятельности угнетают человека, лишают его свободы? Тысячелетиями этот вопрос ставился в той или иной форме перед людьми. Ответ в основном заключался в том, что необходимо изменить сознание людей (менталитет, культурную матрицу и т. п.) с помощью убеждения, т. е. той или иной теории. Как изменить, в каком направлении – все это зависело от конкретной доктрины. Однако история показала, что, как бы подобные рецепты ни работали на уровне отдельных личностей, в масштабах общества таким образом изменить сознание людей невозможно, во всяком случае в желаемом направлении. Как, например, в рамках христианства, начинавшего с «бессребренических» общин, вскоре выросла богатейшая организация церкви, вполне одобряющая существующие практики эксплуатации.

Карл Маркс дал совершенно другой ответ. Сознание людей, по Марксу, изменяется вследствие изменения их общественного бытия. Наверное, это главное открытие К. Маркса. Собственно, вся теория общественного развития в марксизме, взгляды на процесс социальных изменений и прогресс имеют в качестве ядра данное представление. Согласно ему человек не может существовать иначе, кроме как преобразуя окружающий мир для своих нужд. У этой способности человека – способности к практической (духовно-практической) деятельности – есть определенные особенности, которые заключаются в том, что, во-первых, человек, в отличие от животных, может осознанно трудиться для других, создавать вещи не только для личного (плюс потомство или стая) потребления, но и для других, даже незнакомых людей. И, во-вторых, сама практическая деятельность имеет общественный характер: в процессе своей деятельности человек пользуется плодами труда прошлых поколений и современников, работая совместно, т. е. вступая в отношения с другими людьми в процессе производства, по поводу производства и обмена продуктов труда. Вследствие общественного

характера своего труда человек не только изменяет предметы окружающего мира, приспособлявая их для своих нужд. Изменяя мир, человек изменяет и общественные отношения, в которые он вступает в процессе своей трудовой деятельности. Изменяя, производя общественные отношения, он изменяет и самого себя. Вслед за Г. В. Ф. Гегелем К. Маркс обращает внимание на коренное отличие природного бытия от общественного бытия человека. Природа выступает как нечто изменяющееся, но в полном смысле не развивающееся, существующее как данное, в то время как общественное бытие есть постоянный процесс производства людьми своей жизни.

Впрочем, вышесказанное еще не объясняет, как же все-таки происходят социальные изменения. Почему они происходят не разумно, а стихийно, почему случаются социальные конфликты и катастрофы? Почему, несмотря на то что уровень производительных сил растет, люди не могут спокойно договориться и изменить общественные отношения? Почему невозможно сознательное «самостроительство» человека? Кто и как осуществляет социальные изменения?

Большинство немарксистских теорий обходят стороной вопросы о том, как именно происходят социальные изменения, кто и как именно их осуществляет. Казалось бы, на второй вопрос ответ очевиден: социальные изменения осуществляют люди, но почему? Дело в том, что и социологическая наука, и повседневная жизнь, и просто логика демонстрируют нам: люди в целом не желают крупных изменений в жизни общества. Это связано с тем, что в процессе социализации (а дальнейшее бытие в обществе только подкрепляет приобретенные навыки) люди усваивают определенную систему убеждений, взглядов и ценностей. В результате они, конечно, желают улучшения своей жизни, но нужно учитывать, что их желания приходят не из заоблачных вышей, а предопределены существующей системой ценностей и идеалов. Другую систему ценностей, а соответственно и целей, к которым должно стремиться в жизни, человек, если он специально не изучает другие общества, даже представить не может.

А ведь социальные изменения имеют качественный характер, т. е. меняются. В том числе меняются и ценности, и цели, к которым должно стремиться. Итак, получается, что социальные изменения осуществляют люди, действуя в соответствии со своими интересами, если, конечно, не предполагать, что есть некие божественные (надчеловеческие) сущности, которые принуждают людей действовать определенным способом. И при этом люди вовсе не стремятся к совершению этих самых социальных изменений, к качественному преобразованию социума, а, удовлетворяя свои потребности в достижении статусной позиции, в социальном одобре-

нии, делают это и желают этого в традиционных, усвоенных в процессе социализации формах. Так все же каким образом их деятельность приводит к социальным изменениям, т. е. к изменениям качественного характера?

Разрешение этого парадокса в марксизме лежит в сфере представлений о классах и объективных классовых интересах, т. е. интересах, которые существуют независимо от того, осознаются они их представителями или нет. Карл Маркс утверждал, что не он открывал классы и классовое деление общества, он просто доказал, что любая система общественных отношений в социуме с общественным разделением труда является классовой. Причем господствующий класс, который властвует именно в рамках этой конкретной системы, получает основания для господства и блага и, как следствие этого господства, именно в ней заинтересован, т. е. заинтересован в сохранении данной системы общественных отношений. На социологическом языке речь идет о системе социальных институтов, в рамках которых люди, занимающие высокостатусные позиции, как правило, заинтересованы в сохранении своего статуса и, соответственно, института, в рамках которого они его приобрели. Отсюда – теория устойчивого развития, конца истории и т. п. Согласно современному концепту устойчивого развития, впервые озвученному еще Альбертом Гором, как раз такое спокойное, разумное развитие возможно, а его инструментом является демократия. В рамках демократических процедур разные социальные группы – те же классы (хотя неолиберальный дискурс избегает такого понятия) – могут договориться и изменить общество. Однако современная история продемонстрировала, что эти представления весьма далеки от реальной ситуации и там, где присутствуют интересы крупных капиталов, разумный диалог невозможен, а волеизъявление масс игнорируется. Примерами являются референдумы по принятию Маастрихтского соглашения о Европейском союзе, сравнительно недавний греческий референдум по проблеме задолженности Греции, каталонский референдум. Эти события нанесли сильнейший удар по идеологии неолиберализма и стали важным элементом идейного кризиса современного миропорядка, дополняющего кризис экономический.

Марксистская трактовка классов и классовой борьбы является ключом к пониманию того, как соотносятся представления об объективной необходимости общественного прогресса и свободе человека, в чем заключается его историческая субъектность. Проблема в том, что классовая борьба рассматривается, как правило, крайне вульгарно. К большому сожалению, и в рамках советской марксистской идеологии она рассматривалась так же. А в последнее время понятия классов и клас-

совой борьбы и вовсе употребляются в контексте крайнего экстремизма. Однако игнорировать столь значимый фактор социальной истории человечества, конечно, уже невозможно.

Согласно взглядам К. Маркса, каждый исторически определенный уровень разделения труда или, иными словами, каждая исторически конкретная форма частной собственности соответствует определенному способу производства (например, феодальному или буржуазному) и обуславливает его главное классовое противоречие. С точки зрения социальных отношений они оформляются в виде конкретной системы социальных институтов. Эти институты организуют и закрепляют взаимоотношения основных классов, а поскольку в системе классового разделения главные преференции, духовная деятельность, достижения культуры, наслаждение и потребление выпадают на долю представителей господствующего класса, то, как уже отмечалось, этот класс заинтересован в сохранении существующих социальных отношений в неизменном состоянии. Инструментами для сохранения общества в неизменном состоянии становятся система власти, карательный аппарат, направленный против «бунтовщиков», и, что самое важное, разрабатываются и принимаются определенные идеологические представления о мире, которые объясняют массам, что все они живут в самом лучшем из миров, а история, т. е. дальнейшее качественное развитие общества, остановилась.

Однако с развитием производительных сил общества, новых способов и форм трудовой деятельности в самом обществе возникают новые социальные отношения, отражающие и институционально обеспечивающие эти формы деятельности. Конфликт, с одной стороны, старых, устоявшихся систем социальных отношений, существующих в виде (формальных) социальных институтов и при этом получивших свое выражение и закрепление в формальных организациях, и с другой – новых, только формирующихся институционализирующихся отношений выражается в конфликтах ценностей и идеалов, поведенческих стереотипов и социальных практик. В марксизме этот конфликт описывается в терминах классовой борьбы. Конфликт связан с тем, что старые, формализованные институты ограничивают развитие новых способов деятельности и производительных сил в целом и мешают им. Разрешение этого конфликта в пользу институционализации и формализации новых способов деятельности и человеческих взаимоотношений, утверждения новой системы ценностей, идеалов, основанных на них мировоззренческих представлений связывается в марксизме с социальной революцией по той причине, что процесс преобразования общественных отношений, как правило, проходит через крах, разрушение старых и станов-

ление новых социальных форм. Это болезненный процесс. Впрочем, понятие классовой борьбы при кажущейся простоте на самом деле весьма неоднозначно и вызывает ряд вопросов. К сожалению, оно употребляется в современном неолиберальном дискурсе в контексте, с одной стороны, конкретных политических целей и негативных коннотаций, страха, связанных с понятием революции, навязываемых массам господствующим классом, с другой – теоретической интерпретации теории классовой борьбы исключительно с точки зрения ее экстремальных форм, силового противостояния.

Вопросы снимаются, если понимать термин «борьба», применяемый в отношениях противостояния классов, не в политологическом или обыденном смысле, а социологически и при этом диалектически. Борьба в данном случае есть не только и даже не столько осознанное сопротивление в форме восстаний, поджогов или побегов, а в большей степени повседневная деятельность людей, действующих в своих интересах, желающих, например, уменьшить податной гнет, уровень эксплуатации, улучшить условия своей жизни. При этом их интересы противоположны интересам господствующих классов.

Нежелание выполнять те или иные повинности, стремление их избежать, замена другими, более удобными способами сопротивления эксплуатации – это также формы классовой борьбы, и, как мы видим, в исторической перспективе куда более значимые. Таким образом, понятие классовой борьбы включает в себя более широкий спектр социальных действий, нежели прямая борьба, – восстания и бунты. Классовой борьбой можно считать любые действия людей, направленные против существующих социальных институтов, закрепляющих устаревшие и потому неудобные формы деятельности в сфере общественного производства, так как это всегда есть борьба против установленного порядка, в котором заинтересованы господствующие классы. Конечно, это не та классовая борьба, которая прямо приводит к захвату власти, однако поскольку она «ведется в конечном счете из-за освобождения экономического», то и действия классов экономического характера, имеющие своим следствием серьезные социальные изменения, есть форма классовой борьбы, и, вероятно, основная [7, с. 309–310]. Например, в истории классовая борьба крестьянства на базе развития производительных сил общества вкупе с этим развитием способствует появлению новых способов и форм деятельности и взаимоотношений, в первую очередь в сфере общественного производства. Люди, осваивающие и реализующие эти новые способы взаимодействия, и образуют новые классы, а их интерес – сначала через институционализацию, а затем и через формализацию (в виде норм, законов

и иных подобных организационных актов) этих взаимоотношений и деятельности – становится классовым [8].

Вернемся к проблеме свободы и необходимости в отношении исторической деятельности человека, т. е. к проблеме объективного и при этом сознательного характера социальных изменений. Ответ коренится в природе существования объективных классовых интересов. С одной стороны, объективные классовые интересы существуют. Например, интерес крестьянина в феодальную эпоху заключался в том, чтобы его повинности были как можно легче. Это был общий интерес всей крестьянской массы. Поэтому крестьяне, действуя вполне осознанно в своих интересах, в конечном счете разлагали феодализм и формировали условия для утверждения новых общественных отношений и новых классов. Именно в данном контексте марксисты могут говорить о неизбежном крахе капиталистических отношений и утверждении принципиально новой формации. К этому людей принудит некий «гений» истории, а объективные интересы основных социальных групп общества в конкретных исторических условиях. Впрочем, иногда люди могут поступать и вопреки своим интересам. Мы все помним, что в конце 1990-х гг. наиболее многочисленным электоратом российской партии СПС, позиционирующей себя как партия крупного капитала, являлась нищая интеллигенция, чьи объективные интересы были прямо противоположны декларируемым партией. Именно потому, что человек обладает свободой воли, такие флуктуации в истории также возможны. Но это именно флуктуации и не более.

В связи с предложенной выше трактовкой понятия классовой борьбы имеет смысл рассмотреть ситуацию с классовой борьбой в современную эпоху, тем более что это как раз тот момент, который вызывает вопросы у представителей неомарксизма и является узловым элементом антимарксистской критики. Речь идет о том, что сегодня забастовки и иные протестные действия рабочих получили законодательно и процедурно оформленный характер и потеряли черты жесткого и бескомпромиссного классового противостояния. Заговорили о классовом мире как качестве, имманентном обществу благоденствия. Например, Р. Дарендорф исходит из того, что, во-первых, разлагаются, теряют четко очерченный характер сами противостоящие друг другу классы за счет различных промежуточных групп населения, значение которых существенно выросло по сравнению с временами К. Маркса. Господствующий класс состоит не только и даже не столько из собственников, сколько из менеджеров, а рядом с рабочими трудится огромное количество служащих всякого рода. Во-вторых, сравнительно свободная вертикальная и горизон-

тальная миграции оказывают негативное воздействие на сплоченность классов, в первую очередь рабочего. Рабочие профессии, по мнению Р. Дарендорфа, решительным образом потеряли наследственный характер, да и сами рабочие легко бросают и свою работу на конкретном предприятии, и рабочую специальность вообще, чтобы сменить вид деятельности. В результате вместо борьбы в конфликтной ситуации рабочий скорее просто оставит свое рабочее место. И в-третьих, политическое и юридическое равенство граждан привело к тому, что классовые конфликты с площадей и улиц переместились в парламенты, трудовые комиссии и залы судебных заседаний [9].

Иные подходы, порой в чем-то совпадающие со взглядами Р. Дарендорфа, а порой и не очень, достаточно распространены в западной социологии, однако вряд ли есть смысл перечислять их все, поскольку, в сущности, они так или иначе касаются лишь одного вопроса: по какой причине классовая борьба в западных обществах ослабела и потеряла свой накал, притом что К. Маркс предсказывал ужесточение, а не ослабление классовой борьбы? Конечно, можно апеллировать к ситуации, связанной с выносом промышленного производства в страны так называемого третьего мира, и именно там искать примеры классовой борьбы. Их достаточно – протесты рабочих и их столкновения с полицией в Бангладеш, Южной Корее, Малайзии и даже Китае, несмотря на присутствие правящей Коммунистической партии. Однако отсутствие классовой борьбы (в традиционном понимании) в наиболее экономически развитых странах мира продолжает смущать умы марксистов. Если же взглянуть на современную классовую борьбу под другим углом, а именно как на социальную деятельность людей, направленную против существующих социальных институтов, закрепляющих устаревающие и потому неудобные формы деятельности в сфере общественного производства, поскольку это всегда есть действия против существующего порядка, в котором заинтересованы господствующие классы, перед нами откроется совсем другая картина, которую западная социология характеризует как «конец трудового общества» [8; 10].

Вернемся к процессам социальных изменений. Кто же ответствен за эти процессы, кто осуществляет социальные изменения? Очевидный ответ – люди. Как заметил К. Маркс, история «не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [5, с. 102]. Но, конечно, не просто люди, а люди, объединенные в определенные социальные коллективы. В первую очередь такими коллективами являются классы. При этом нужно иметь в виду следующее: несмотря

на то что классы существуют объективно, а значит, объективно существует единство глубинных интересов групп людей в зависимости от их места в системе общественного производства, разделения труда и отношения к собственности, они (эти классы), как правило, не субъектны, т. е. не действуют в рамках исторического процесса как субъекты социальных действий. Те же крестьяне эпохи феодализма объективно имели достаточно общие интересы: например, сопротивление крестьян барщине мы встречаем везде – от России до Англии. Однако на непосредственно субъектном уровне видим, что крестьяне куда сильнее связаны и идентифицируют себя со своим феодалом, чем с крестьянами даже соседнего графства. В этом контексте, как показано выше, классовая борьба в основном есть борьба молекулярная, постоянная, как вода, которая «точит камень». Такие социальные изменения происходят постоянно, но незаметно для людей. Хотя для конкретного сообщества направленность таких изменений может быть любой, в общем они прогрессивны, поскольку изменение способов деятельности отражает неуклонное совершенствование средств и навыков человеческого труда.

Куда более осознанный характер деятельности людей по реализации социальных изменений приобретает тогда, когда в процессе социальной практики человеческие коллективы проявляют себя как социальные силы, т. е., по Марксу, становятся классами «для себя». Социальные силы, по нашему мнению, это субъекты реальных политических взаимодействий, в той или иной степени выражающие интересы классов и более мелких социальных групп и осознающие себя, свою деятельность и свои цели в рамках той или иной концептуальной схемы (религиозной, идеологической или научно-теоретической). В этом контексте более адекватен такой подход, где под социальными силами понимаются самоорганизующиеся группы, проявляющие себя как единство воли и средств реализации интересов (идей) социальных субъектов. Единство (комплекс) идей, социальной организации и ресурсного обеспечения реализации интересов и выражается в социальных силах [11].

Этот подход акцентирует внимание на организационной динамике социальных сил в обществе. В каком же отношении социальные силы состоят с классами? В теории К. Маркса классы по стадиям своего развития различаются на классы «в себе» и «для себя». Класс «в себе» имеет реальную общность интересов, но не осознает их. Класс же «для себя» приходит к осознанию своих интересов и своего классового единства. Карл Маркс пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса

является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе <...> эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» [12, с. 183]. Очевидно, что вплоть до капиталистической эпохи классы так и оставались классами «в себе», не переходя на стадию классов «для себя», поскольку возможность к конституированию себя как класса «для себя» появляется лишь с развитием науки и идеологий, а именно философской, научной, экономической, социальной и политической рефлексии общества, направленной на себя и, соответственно, открытие классов как таковых.

Итак, к чему же ведет подобная классовая борьба в рамках конкретного способа производства? Она и порождает новые производственные отношения, которые пока существуют «под спудом» господствующих общественных отношений. Порождая новые производственные отношения, она создает, соответственно, и новые социальные группы – будущие классы, но пока с приставкой «прото». Главное, они разрушают существующие общественные отношения, приводят к тому, что действующие социальные институты уже не могут исполнять свою функцию и, вместо того чтобы выражать и закреплять систему общественных отношений, начинают ее разрушать. Форма начинает пожирать содержание.

В заключение еще раз подчеркнем, что теория исторического прогресса К. Маркса не потеряла актуальности, а, напротив, представляет как теоретическую, так и практическую значимость, поскольку, во-первых, современный кризис есть кризис экономических, управленческих социальных практик, а не только кризис идей. Во-вторых, она определяет главный ориентир общественного развития – путь к свободе как состоянию освобождения от экономического, социального и культурного отчуждения. В-третьих, классовая борьба как перманентное социальное явление, с одной стороны, ведет к ужесточению кризиса, но с другой стороны свидетельствует о рождении социальных практик и социальных слоев – носителей этих практик, с помощью которых можно преодолеть кризис. В-четвертых, современная классовая борьба, особенно на постсоветском пространстве, в основном имеет молекулярный, пока не осознанный, стихийный характер, выражающийся в изменении отношения к труду, описываемом теориями «конца труда». В-пятых, смена социально-экономического уклада не есть воля властной элиты или злой умысел группы заговорщиков, а есть естественный процесс разрешения противоречий интересов различных социальных групп в обществе. В-шестых, настороженное отношение общественности к понятию классовой борьбы во многом обусловлено нагнетанием страхов перед любыми социальными трансформаци-

ями, опытом переосмысления тех социальных пертурбаций, которые происходили и происходят в постсоветский период. Проблема в том, что все реформы (начиная с позднеперестроечных) каждый раз вели к ухудшению положения масс. Ситуация 1990-х, породившая тотальное унижение и ощущение катастрофы, оставила в коллективной памяти людей неизгладимый след. Можно сказать, что это была эпоха исторического минимума для большинства населения бывшего СССР. И эти события надолго отвратили людей от перемен. Если перемены ведут только к худшему, если любая новая власть служит лишь обогащению тех или иных лиц, то делается простой вывод: изменения – это зло. Такое отношение общества частично объясняет популярность президента Беларуси на всем постсоветском пространстве, поскольку А. Г. Лукашенко воспринимался как крайне консервативный лидер, а потому общенародный. Оно же породило новый консерватизм в России, лицом которого стал В. В. Путин. Подобные явления можно наблюдать и в Казахстане. Тем более что государства, в которых происходили так на-

зываемые цветные революции, стали пугалом для масс в других постсоветских странах. Они остаются сегодня самыми бедными и неустроенными государствами на постсоветском пространстве. В том числе и Грузия, которую по непонятным причинам представляют успешной в результате осуществленных реформ страной. Еще большим пугалом стал Ближний Восток, где светские режимы, положение которых казалось более или менее стабильным, были уничтожены цветными революциями, а регион погрузился в кровавый хаос.

Однако там, где меньше всего можно было ожидать, т. е. на Западе, «лед тронулся». Массы все чаще требуют ответа на неудобные вопросы. К сожалению, как правильно заметил Б. Ю. Кагарлицкий в своей книге, пока протест масс возглавляется правыми популистами [13]. Но, несмотря на это, в современном мире нельзя отгородиться от этих процессов, как бы кто ни надеялся и ни обосновывал свои надежды новыми теориями конца истории и устойчивого развития. Современная история говорит о том, что слухи о смерти марксизма несколько преувеличены и преждевременны.

Библиографические ссылки

1. Готфрид П. Странная смерть марксизма. М. : ИРИСЭН : Мысль, 2009.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13.
3. Маргарет Тэтчер: жизнь в цитатах [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/04/130408_thatcher_quotes (дата обращения: 06.02.2018).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958. Т. 12.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 2.
6. Маркс К. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1844 года // Собр. соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 402–405.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 21.
8. Смирнов В. Э. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция. Минск : Белорус. наука, 2016.
9. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. : Рос. полит. энцикл., 2002.
10. Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М. : Наука, 1990.
11. Тульчинский Г. Л. Социальные силы и гражданское общество (от статико-классификационного к динамико-синергетическому пониманию общественной жизни) // Роль фундаментальных социологических исследований в преодолении гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества. СПб., 1999. С. 119–122.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 4.
13. Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М. : Высш. шк. экономики, 2017.

References

1. Gottfried P. Strannaya smert' marksizma [The Strange Death of Marxism]. Moscow : IRISEN : Mysl', 2009 (in Russ.).
2. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1959. Vol. 13 (in Russ.).
3. Margaret Thatcher: life in quotations. *BBC Russian service*. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/04/130408_thatcher_quotes (date of access: 06.02.2018) (in Russ.).
4. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1958. Vol. 12 (in Russ.).
5. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1955. Vol. 2 (in Russ.).
6. Marx K., Engels F. [Letter to P.V. Annenkov 28 Decemder 1844]. In: *Sbranie sochinenii* [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1961. Vol. 27 (in Russ.).
7. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works.] 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1961. Vol. 21 (in Russ.).

8. Smirnov V. E. Sotsial'nye mekhanizmy obshchestvennogo razvitiya: sotsiologicheskaya i istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya [Social mechanisms of social development : sociological, historic and cultural reconstruction]. Minsk : Belaruss. nauka, 2016 (in Russ.).

9. Dahrendorf R. Sovremennyyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody [The Modern social conflict. Essay on politics of liberty]. Moscow : Russ. Polit. Encycl., 2002 (in Russ.).

10. Polyakova N. L. Ot trudovogo obshchestva k informatsionnomu: zapadnaya sotsiologiya ob izmenenii sotsial'noi roli truda [From labor society to information society: Western sociology on changing the social role of labor]. Moscow : Nauka, 1990 (in Russ.).

11. Tul'chinskii G. L. [Social forces and civil society. (From static classification to dynamic and synergetic understanding of social life)]. In: *Rol' fundamental'nykh sotsiologicheskikh issledovaniy v prepodavanii gumanitarnykh distsiplin i stanovlenii v Rossii grazhdanskogo obshchestva* [The role of fundamental sociological research in the teaching of humanities and the formation of civil society in Russia]. Saint Petersburg, 1999. P. 119–122 (in Russ.).

12. Marx K., Engels F. Sobranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1955. Vol. 4 (in Russ.).

13. Kagarlitskii B. Y. Mezhd klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma [Between the class and the discourse. Left-wing intellectuals to capitalism]. Moscow : Higher School of Econom., 2017 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 07.02.2018.
Received by editorial board 07.02.2018.